

Михаил
Карпов

**ЗАМКНУТЫЙ
КРУГ**

**«КИТАЙСКОГО
ЧУДА»**

Рыночные преобразования
и проблема реформируемости
партийного государства ленинского типа
в Китайской Народной Республике

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 338.24(510)
ББК 65.050(5Кит)
К26

Карпов М.В.

К26 Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 292 с.

ISBN 978-5-4469-0272-9

Предлагаемая читателям новая книга рассказывает о современном Китае. Словосочетание «китайское чудо» — с легкой руки некоторых экономистов и публицистов из КНР — у всех на слуху. В самом деле, Китай в наши дни предстает чем-то из ряда вон выходящим: рекордные темпы роста ВВП и рыночная модернизация при сохранении и даже укреплении коммунистического однопартийного государства. Как китайцам удалось и удалось ли на деле скрестить социализм с капитализмом? Что у них в реальности получилось и что не получилось? А то, что получилось, это как — временно, надолго или навсегда? Отвечая на эти и ряд других вопросов, автор уходит от идейных клише и увлечения восточной экзотикой. Его интересует, прежде всего, как в реальности функционирует механизм общественно-экономической системы КНР в годы рыночных реформ и каковы могут быть наиболее вероятные результаты работы этого механизма в обозримом будущем.

Книга основана на большом числе китайских источников, впервые вводимых в научный оборот, а также на результатах полевых исследований, проведенных автором в Китае на протяжении последних пяти лет.

УДК 338.24(510)
ББК 65.050(5Кит)

ISBN 978-5-4469-0272-9

9 785446 902729

© М.В. Карпов, 2014

© Издательство «Нестор-История», 2014

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*. Корректор *Н.В. Соболева*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*. Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 02.04.2014. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,25
Тираж 300 экз. Заказ № 3591

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
19119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

Светлой памяти моих родителей,

*Владимира Ивановича Карпова
(1927–2004)*

*и Светланы Владимировны Белобородовой
(1929–2009),*

посвящаю

Самым большим мифом о Китае... является то, что эта страна перестала быть социалистической.

*Дж. Стадвелл
Мечта о Китае.
2002*

Милтон Фридман (лидер Чикагской экономической школы) — губернатору провинции Сычуань, призывая ускорить темпы рыночных реформ в Китае: «...не следует отрезать мышиный хвост по одному дюйму. Чтобы уменьшить боль, надо отсечь хвост одним махом».

Губернатор провинции Сычуань — Милтону Фридману: «Мой дорогой профессор! У нашей мыши столько хвостов, что мы даже не знаем, с какого именно начинать!»

*Р. Макгрегор
Партия: тайный мир
коммунистических властителей Китая.
2010*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

«Китайское чудо»: постановка проблемы, или о чем пойдет речь в этой книге	7
--	---

Пролог

Битва угля с электричеством, или случай из практики китайского экономического чуда	18
---	----

Глава 1

Партийное государство ленинского типа и проблема его реформирования	29
Советология и КНРоведение о партийном государстве ленинского типа и его внутренней эволюции	30
Проблематика «пределов реформ» в системах ленинского типа	70

Глава 2.

Реформа цен как ключевое звено «китайского пути»	84
Практики и теории «двухколейного» ценообразования	84
Становление «двухколейной модели» ценообразования	88
Варианты «двухколейного» ценообразования	94
Региональные разновидности «двухколейной модели»	101
Проблема преодоления «двухколейной модели»	104
Теории «двухколейного перехода» и реалии «многоколейного» ценообразования	114
Основные теории «двухколейного перехода»	116
Мария Чанади: модель «самоотвода»	125
«Многоколейная модель» в ценообразовании: основные структурные и динамические характеристики	135
Общая панорама «многоколейной» модели ценообразования	144

Глава 3.

Проблема обеспечения внутреннего единства «многоколейной» модели. Скрепки «рыночного социализма с китайской спецификой»	159
«Самоотвод» или самораспад? Заключительные соображения по поводу взглядов Марии Чанади на типологию пути реформ в Китайской Народной Республике	159
Замкнутый круг «партийной макроэкономики».	165
Механизм инвестиционной спирали	166
Возможности эмпирической взаимосвязи между коллапсом систем ленинского типа и финансовой либерализацией.	210

Глава 4.

Ахиллесова пята «китайского чуда». Цикл воспроизводства административного принуждения	215
Политические циклы в КНР	219
Проблема выбора методов макроэкономического урегулирования	233
Макроэкономическое администрирование как возможный катализатор системного кризиса в КНР	242

Заключение.

«Динамический паллиатив» вместо «системного чуда»	249
---	-----

Постскриптум.

«Кризис ликвидности» в Китае летом 2013 года: короткое замыкание в «круге чудес» или генеральная репетиция большого пожара?	262
--	-----

Источники	266
----------------------------	-----

Литература.	272
------------------------------	-----

Summary.

Vicious Circle of “Chinese Miracle”. Market Reforms in the PRC and the Problem of Adaptive Capacities of Chinese Leninist One-Party State	285
--	-----

Об авторе и об этой книге	292
--	-----

«КИТАЙСКОЕ ЧУДО»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ИЛИ О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ В ЭТОЙ КНИГЕ

Системные преобразования в Китайской Народной Республике продолжают уже более трех десятилетий. Истоки «китайского пути», его направление и динамика, соотношение спонтанного и просчитанного, радикального и постепенного, критерии успехов и неудач, применимость в других странах и даже его «всемирно-историческое значение» неизменно вызывают огромный интерес, разнообразные дискуссии и уже давно стали объектом широкого, порой безудержного теоретизирования.

С другой стороны, мне думается, что по-прежнему сохраняют актуальность строки, написанные почти два десятилетия назад известным китайским экономистом Шэн Хуном: «Вплоть до настоящего времени исследования <реформы. — М.К.> остаются на стадии обыкновенной теории, которой крайне недостает эмпирических оснований. Получить общее представление о таких содержательных переменах в области человеческих отношений и общественных норм можно лишь путем их непосредственного восприятия» [Шэн Хун, 1996, с. 80].

Здесь, впрочем, наблюдается интересная закономерность. Лавинообразный рост объемов самой разнообразной информации о Китае в последние десятилетия, равно как и не менее динамичное увеличение профессионального и популярного спроса на нее, не привели — по крайней мере, пока — к формированию целостной и внутренне непротиворечивой картины того, как и в каком направлении движется современный Китай. Эта картина отсутствует как у апологетов «китайского пути», так и у скептиков. Иными словами, и у первых, и у вторых всегда найдутся в запасе достаточно убедительные аргументы для того, чтобы дезавуировать определенный образ Китая, предлагаемый оппонентами.

В отечественном КНРоведении дела обстоят особенно непросто. Идеологическое и мировоззренческое наследие советского периода, а также остро пережитая драма распада СССР и трудности постсоветских реформ постоянно подталкивают многих исследователей к вольной или невольной апологетике «китайского пути». В нем склонны видеть едва ли не «упущенный шанс Горбачева», а те реформы Дэн Сяопина, которые на рубеже 1970–1980-х гг. жестко критиковались в СССР, в том числе и профессиональными китаеведами, как «отступление от социализма», теперь превозносятся — зачастую теми же самыми людьми — как «глубоко продуманная и успешная стратегия».

Впрочем, и у наших западных коллег, несмотря на более фундаментальный научно-методологический задел и значительные материальные возможности, пазл современного Китая отнюдь не сложился. Отсюда периодически звучащие из уст видных американских и западноевропейских синологов признания о «состоянии неопределенности», в котором пребывает современное КНРоведение [Dittmer, Hurst, 2002].

В середине 1990-х гг. видные китайские экономисты Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу выпустили совместную книгу под названием «Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа», в которой с позиций экономической неоклассики пытались дать обобщающую и динамическую картину рыночных преобразований в КНР. Скажем сразу: несмотря на ряд серьезных достоинств, эта книга отнюдь не внесла окончательной ясности в вопрос о том, что происходит или что будет происходить в современном Китае. Более того, с нашей точки зрения, кое в чем она сделала этот вопрос еще более запутанным. Однако само словосочетание «китайское чудо» быстро получило чрезвычайно широкое распространение в мировой научной и популярной литературе и в публикациях СМИ. Смысл и значение этого понятия в интерпретациях его пользователей не сильно отличались от того, что предлагали считать «китайским чудом» Линь Ифу с соавторами.

Знакомство с отмеченной книгой, равно как и с большим количеством научных и популярных публикаций, идущих так или иначе в ее «кильватере», дает основание считать, что китайские и зарубежные эксперты, политики и журналисты склонны видеть «чуждость» «китайского пути» в следующих двух плоскостях.

Во-первых, это сохраняющиеся на протяжении более трех десятилетий рекордно высокие темпы экономического роста. Среднегодовые значения этого роста за весь период рыночных реформ в КНР не опускались ниже 9%. Данное обстоятельство, наряду с исторически беспрецедентной повышательной динамикой общей социально-экономической

модернизации совокупной мощи Китая, является, по мнению многих наблюдателей, ключевым и наиболее очевидным показателем, которое дает основания для характеристики развития КНР в категориях «чуда».

Вторая плоскость понимания «китайского чуда», с нашей точки зрения, более существенна и интересна. Кроме того, она — в силу своей дискуссионности, идейно-политической остроты и объективной сложности для вычленения, объяснения и восприятия — заметно менее четко артикулируется в существующей литературе. И тем не менее, эта плоскость подспудно присутствует как в книге Линь Ифу, так и в большом числе других работ, посвященных развитию современного Китая. Эта вторая плоскость понимания «китайского чуда» вольно или невольно существует также в умах многих китайских и зарубежных экспертов и наблюдателей, даже если по тем или иным причинам и не высказывается со всей определенностью. Речь идет о том, что столь впечатляющая динамика экономического роста, расширения сферы рыночных отношений и модернизации в КНР имели и имеют место в стране, которая на уровне официальной идеологии продолжает придерживаться концепции и ценностей социалистического строительства. Более того, политическая система современного Китая в полной мере сохраняет институты и практики партийного государства ленинского типа. В этом государстве руководящая коммунистическая партия, построенная по известному из истории КПСС территориально-производственному признаку, не просто контролирует, но непосредственно подчиняет себе и интегрирует все ключевые государственные и общественные организации, а также субъектов экономической деятельности. Кроме того, есть основания полагать, что степень этого подчинения и интеграции в современной КНР, несмотря ни на какие рыночные реформы, не только не ниже, но кое в чем даже выше, чем некогда в СССР и в других бывших европейских странах «победившего социализма». Это «выше» касается в первую очередь объема практических полномочий партийных организаций в государственных, общественных и производственных субъектах системы.

Не секрет, что большинство социалистических страны Европы, включая и Советский Союз, на протяжении десятилетий экспериментировали с рыночными реформами. Некоторые из европейских соцстран, прежде всего Венгрия и бывшая федеративная Югославия, достаточно далеко прошли по пути этих экспериментов. Настолько далеко, что рассматривались либеральными реформаторами социализма из менее в этом смысле продвинутых Москвы, Берлина, Праги и Варшавы как своего рода образцы для подражания.

Однако эти реформы не переросли в «мирную эволюцию», не спасли венгров от системного кризиса и распада, а югославов — и от разрушительной и кровопролитной войны. Фундаментальные работы политологов и историков, посвященные, к примеру, причинам югославской трагедии 1990-х гг., показывают, что реальным триггером острого вооруженного конфликта в этой стране выступили отнюдь не только этнические или конфессиональные противоречия и не «старые счеты» Второй мировой войны между сербами и хорватами. С точки зрения механизма возникновения кровопролития гораздо более существенной оказалась структура и динамика взаимодействия институтов партийного государства ленинского типа в стране, вынужденной на деле реализовывать принципы федерализма. В частности, речь идет о месте, роли и соотношении влияния федеральных и республиканских партийных организаций, государственного руководства на различных уровнях и командования федеральных и республиканских вооруженных формирований [Bunce, 2000; Месич, 2013]. Иными словами, оказывается, что и здесь вопрос не столько к истории и культуре, сколько к институтам и практике «реального социализма».

Но даже там, где, как в Венгрии, Польше или бывшей Чехословакии, не пролилось ни капли крови, и нелегитимные в глазах общества компартии были отстранены от власти в ходе свободных выборов, даже там не приходится говорить о плавной реформе и реструктуризации государства ленинского типа. Уход компартии, отрыв ее от государства везде принимал форму институциональной деструктуризации, то есть социально-политической революции и происходил на фоне глубокого экономического спада, так называемой «трансформационной рецессии». Революция — это отнюдь (слава богу!) не обязательно трупы, баррикады и штурм правительственных зданий. Кстати сказать, столь экстремальные обстоятельства «смены режима» имели место, как известно, лишь в Румынии. Революция — это, прежде всего, качественная, структурная и динамическая характеристика общественных изменений. И в этом смысле во всех без исключения бывших соцстранах Европы и в бывшем СССР на рубеже 1980–1990-х гг. произошли именно революции.

В середине 1990-х гг. в ряде стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего в Венгрии, Чехии и Польше, предпринимались весьма любопытные исследования, целью которых было выяснение воздействия последствий рыночных реформ, проводившихся еще при «победившем социализме», на ход, темпы, последовательность и глубину посткоммунистической трансформации.

Указанные страны выделялись в бывшем восточном блоке сравнительно высоким уровнем благосостояния (в сравнении, скажем, с Румынией или СССР), но ощутимо различались между собой по масштабу и глубине инициированных компартиями рыночных реформ. В Венгрии такие преобразования начались еще в 1950-е гг. и, развиваясь циклически и неравномерно, охватили тем не менее значительное общественное пространство. В бывшей ЧССР краткосрочная Пражская весна пала под гусеницами советских танков летом 1968 г. Реформы были резко остановлены и пребывали в коме вплоть до конца 1980-х. Коммунистическое руководство Польши, также опасаясь советского вторжения, существенно «подморозило» инициированное было строительство «социализма с человеческим лицом». Однако температура «заморозков» была всё же несколько выше, чем в реально пережившей «братскую» интервенцию Чехословакии.

В умозрительном плане логично было предположить, что в тех странах, где рыночные реформы в той или иной мере начали осуществляться еще при коммунистах, последовавшие за бархатными революциями радикальные социально-экономические преобразования должны были бы проходить не столь болезненно и более быстро.

Результаты проведенных исследований оказались несколько обескураживающими даже для специалистов. Выяснилось, что какая-либо положительная зависимость между накопленным опытом социалистических реформ и степенью адаптации общества к посткоммунистическим изменениям в целом отсутствует. Иными словами, даже в относительно благополучных, в территориальном и историко-культурном отношении близких, но разных по опыту реформ странах Центральной и Восточной Европы полномасштабное становление рынка и демократии проходило болезненно и неравномерно. Конкретные структурные факторы и причины драматизма фундаментальной общественной трансформации в разных странах были, конечно, не одинаковы. Однако эти различия не позволяют однозначно говорить о сравнительной легкости перехода для изначально «более рыночных» обществ и сравнительной трудности для тех, кто в силу исторических причин оказался обделен опытом «реформированного социализма» [Lorentzen, Widmaier, Laki, 1999].

Повсеместно революционный характер посткоммунистических преобразований, равно как и их сопоставимый драматизм в различных по рыночной составляющей бывших соцстранах наводит на мысль, что система «реального социализма» обладает некими общими чертами, которые

настолько снижают адаптивные способности государства ленинского типа, что делают его в конечном счете не реформируемым.

Институциональный и социально-экономический крах всех без исключения европейских государств ленинского типа является неоспоримым фактом, от которого невозможно отмахнуться и который требует научного осмысления через призму не только истории и культуры, но и системного экономического и политологического анализа. К слову сказать, такой анализ в полной мере не проведен до сих пор.

На этом фоне реформы в Китае предстают как «история успеха» отнюдь не только с точки зрения рекордной динамики роста ВВП. Индустриализация и масштабное инфраструктурное строительство в КНР, сопровождаемые существенным расширением сферы рыночного регулирования в национальной экономике при сохранении в неприкосновенности (и даже укреплении!) институтов партийного государства ленинского типа выглядят как нечто из ряда вон выходящее. Здесь и лежит вторая отмеченная нами плоскость восприятия «китайского пути» как чуда.

Отмеченное «чудесное» обстоятельство может иметь два логических объяснения. Первое состоит в том, китайские реформы пока не затронули тех звеньев системы, которые являются ее внутренними скрепами, и, следовательно, КНР еще предстоит пройти через этап структурного кризиса государства ленинского типа. Однако для того чтобы стать в полной мере убедительным, данное объяснение нуждается в глубоко и структурно разработанном эмпирическом подтверждении. Неоспоримо, что по степени радикальности и глубины рыночная трансформация в современном Китае уже сейчас оставила далеко позади все имеющиеся в истории аналоги «реформированного социализма», в частности, опыт венгерских и югославских преобразований. Это касается структуры и характера реформ в сферах ценообразования, малой приватизации, акционирования госсобственности и создания фондового рынка, а также в области сельского хозяйства.

Таким образом, напрашивается второе возможное объяснение. В КНР за прошедшие три десятка лет удалось то, что не получилось ни в одной из европейских социалистических стран. Фундаментальный переход к рыночному регулированию социально-экономической жизни оказался возможным при сохранении и — более того — при поддержке институтов партийного государства ленинского типа. Рынок и социализм, оказывается, вполне системно совместимы. При этом такая генетическая трансформация произошла не революционным, а эволюционным путем, то есть без драматической ломки политических институтов и идеологии, без

острого социального кризиса и глубокого экономического спада. Рыночная трансформация и параллельная ей модернизация привели не к упадку и дезинтеграции, а к укреплению и консолидации институтов партийного государства и совокупной государственной мощи.

Если положение вещей в самом деле таково, то перед нами нечто совершенно беспрецедентное. В этом случае «китайский путь» реформ приобретает поистине всемирно-историческое значение. Вот оно, китайское чудо без всяких кавычек!

Однако и это второе логически возможное объяснение требует фундаментальной эмпирической проверки. Здесь, как и в первом случае, необходимо предметно разобраться, что это за «системные скрепы социализма», которые в странах европейского восточного блока и в СССР оказались непреодолимыми для коммунистов-реформаторов, а в Китае смогли быть либо обойдены, либо постепенно трансформированы? Почему в Европе рыночное преобразование социализма, застопорившись, обвалилось, а в КНР, как полагают многие наблюдатели, идет по нарастающей? Наконец, можно ли рассматривать сложившуюся в Китае модель социально-экономического и политического устройства как устойчивую, обладающую лучшими, чем в бывших европейских соцстранах, адаптивными способностями?

На пути верификации обеих гипотез стоят очень значительные препятствия как технического, так и методологического свойства. К первым относятся в первую очередь огромный объем и структурная сложность материала.

Методологические же трудности не менее, а, возможно, и более серьезны. Концептуальное наследие советологии — опыта изучения и осмысления истории развития систем ленинского типа в СССР и Восточной Европе — подверглось после распада Советского Союза и восточного блока уничтожающей критике и ныне за кажущейся неактуальностью по большей части предано забвению. Ссылаться на теоретические работы советологов в наши дни не модно и, пожалуй, может даже быть контрпродуктивным для исследователя в «большой западной науке». Есть риск прослыть реакционером и уж почти наверняка очутиться за рамками либерального, глобалистского и девелопменталистского мэйнстрима. Причина такого положения вещей между тем не лишена исторической иронии. В свое время вполне «либеральный» и «девелопменталистский» мэйнстрим советологии оказался не в состоянии предвидеть и объяснить крах восточноевропейских государств ленинского типа. Это обстоятельство было воспринято многими обществоведами в США и Западной

Европе как «целостная катастрофа западной академической науки» и поставило жирный крест на всей советологии и профессиональных карьерах многих советологов [Malia, 1992]. Их просто перестали воспринимать в достаточной степени серьезно.

Проблема, однако, состоит в том, что при всех несомненных теоретических и эмпирических просчетах советологов мировое обществоведение вплоть до сегодняшнего дня не имеет какого-либо иного вразумительного опыта осмысления истории и динамики развития реального социализма. Интересно, что современное западное КНРоведение, уже давно разорвав свои связи с советологией и даже как бы стесняясь их наличия в прошлом, воспроизводит ныне, по сути дела, все ключевые подходы, концепции и школы канувшей в лету советологии [Lieberthal, 2003; Gilley, 2004; Pei, 1994, 2006; McCormick, 1990, 1994]. Очевидно, изучение систем ленинского типа имеет свою семантическую природу, диктуемую природой объекта изучения.

Впрочем, в изобилии имеются примеры того, что, изучая современный Китай, вполне можно абстрагироваться от того факта, что вы имеете дело с государством ленинского типа. Так поступают в большинстве своем авторы — приверженцы как экономического мэйнстрима, так и концепции *developmental state*. Работая в системе координат, где определяющими понятиями и величинами выступают глобализация, модернизация, темпы роста ВВП и развивающиеся рынки, эти специалисты склонны относиться к политической системе КНР как к сугубо технической совокупности явлений, специфической институциональной среде, имеющей, кроме того, ряд важных инструментальных достоинств, в частности, для широкого привлечения иностранных инвестиций. Здесь «китайское чудо» понимается, прежде всего, а иногда и исключительно, как чудо роста, а монополия компартии на власть — как экзотическая и в ценностном отношении чуждая, но неизбежная, а кое в чем даже полезная вещь [White, 1993]. Иными словами, для этой группы экспертов партийное государство ленинского типа в КНР не является фундаментальной проблемой и даже объектом изучения. Оно, в сущности, не более чем конкретное институциональное воплощение девелопменталистского государства. Характерно, что за прошедшую пару десятилетий в свет вышли тысячи книг и статей, в которых рыночные преобразования в Китае рассматриваются вне системного контекста однопартийного правления [Kelly, Rajan, Goh, 2006; Guthrie, 2009].

Не менее показательно и то, что критика концепции *developmental state* в применении к КНР — с доминирующих позиций неоклассики или

неомарксизма — в современных экономических исследованиях и в политологии разворачивается в основном не по линии анализа отличительных особенностей государства ленинского типа. Скептики указывают, прежде всего, на такие факторы, как отношения между трудом и капиталом, на социальную и демографическую структуру Китая и невозможность реализовать «китайский путь» модернизации в других странах.

Тем не менее, вопрос о том, произошло ли «китайское чудо» в системном смысле, то есть удалось ли китайской компартии действительно решить тот комплекс фундаментальных и тесно взаимосвязанных социально-экономических и идейно-политических проблем, которые не поддались решению в бывшем СССР и соцстранах Европы, сохраняет свою практическую и научную актуальность. Более того, эта актуальность растет. Без ответа на поставленный вопрос невозможно разобраться в многочисленных и подчас полярно противоположных прогнозах относительно перспектив развития самой многонаселенной страны мира, декларирующей приверженность социализму и до сих пор руководимой партийным государством ленинского типа.

Предлагаемая книга попытается определить теоретическую логику и наметить эмпирическую последовательность поисков решения этой дилеммы.

В первой части работы речь пойдет о типологии систем ленинского типа и проблематике «пределов реформ» в институтах и практике реального социализма через призму наработок советологии и современного КНРоведения. Для отечественной китаистики постановка проблемы в таком ключе представляется новаторской. Насколько нам известно, в нашей стране пока нет работ, посвященных развитию системных преобразований в КНР в подобном широком сравнительно-методологическом плане. В мировой синологии также ощущается недостаток подобных подходов.

В фокусе второй части работы — структурные особенности и динамика рыночной реформы ценообразования в КНР и ее социально-экономические, политические и институциональные последствия. Выбор этого сюжета определяется тесно взаимосвязанными обстоятельствами методологического и практического свойства.

С одной стороны, реформа цен, включая цену на капитал, во всех без исключения соцстранах является ключевым и одновременно одним из самых глубоких и трудных преобразований, определяющим кардинальное изменение логики поведения хозяйственных и политико-административных субъектов системы [Kornai, 1992]. Эмпирический опыт

«реформированного социализма» как в Восточной Европе, так и в КНР дает основания заключить, что в сфере ценообразования технически заложена главная путевая стрелка, переводящая экономические локомотивы системы с командно-административных рельсов на рыночные. При этом угол положения рычага этой стрелки имеет важнейшее значение для общего состояния и динамики всей системы не только в сугубо экономическом, но и в широком социально-политическом смысле. Иными словами, этот угол положения рычага ценообразования не только определяет направление реформ, но и сам определяется предпосылками, глубиной и характером уже осуществленных общественных и институциональных изменений.

С другой стороны, опыт рыночной реформы ценообразования в КНР с точки зрения своей последовательности, механизма, структуры и динамики является поистине уникальным для всех без исключения стран. В Китае, в отличие от бывших «народных демократий» в Венгрии и Югославии, реформа цен с самого начала и неизменно опережала преобразования в системе общего управления экономикой, финансами и государственной собственностью и, по сути дела, заложила фундамент рыночного социализма с китайской спецификой. Более того, по нашему убеждению, ответ на будоражащий умы вопрос о применимости «китайского пути» в бывшем СССР следует искать в плоскости выяснения возможности (или невозможности) осуществления перестроечной реформы ценообразования по китайскому образцу.

Предлагаемый нами взгляд на реформу цен в КНР как на путеводную основу всего процесса рыночных преобразований в этой стране также является во многом новым для отечественной китаистики, склонной подходить к этому сюжету как к важной, но скорее технической и инструментальной проблеме [Жигулева, 2006]. Существующие за рубежом крупные работы по реформе цен в соцстранах вообще и в КНР в частности, как будет показано ниже, нуждаются в определенных уточнениях и переосмыслении [Kornai, 1992; Naughton, 1994; Fan Gang, 1996; Zhang Yu, 1997; Csanadi, 2006; Zhang Jun, 2006].

Третья часть книги посвящена определению и характеристике тех фундаментальных институтов и практик партийного государства ленинского типа в современной КНР, которые, по нашему мнению, скрепляют в единое целое общественно-экономическое пространство рыночного социализма с китайской спецификой. Предпринятый анализ структуры и динамического состояния этих скреп позволяет, на наш взгляд, сформулировать ответ на главный вопрос: состоялось ли «китайское чудо»

в системном смысле? Удалось ли реформаторам в КНР обойти или эволюционно трансформировать те фундаментальные, генетические диспропорции и противоречия реального социализма, которые в европейских соцстранах и в бывшем СССР пришлось преодолевать революционным путем? На основании ответов на эти вопросы в третьей части работы сформулирован вывод о типологии социально-экономического и политико-институционального устройства современного Китая.

В четвертой части исследования речь идет о структурных и динамических факторах, которые при определенных обстоятельствах могут привести КНР в будущем к системному кризису. Отталкиваясь от анализа этих факторов, мы предпринимаем попытку моделирования механизма одного из наиболее вероятных, по нашему мнению, сценариев возникновения такого кризиса.

БИТВА УГЛЯ С ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ, ИЛИ СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА

Древний Сиань, столица богатой историко-культурными достопримечательностями и каменным углем провинции Шэньси, что в центральном Китае. Февраль 2009 г., канун открытия ежегодных сессий провинциального Собрания народных представителей (СНП), парламента, и Политического консультативного совета — органа «межпартийного сотрудничества под руководством коммунистической партии». Ситуация на угольных электростанциях провинции вот уже несколько месяцев близка к критической: запасы угля для производства электроэнергии пополняются в объеме, достаточном для работы станций лишь в течение одного дня. Утром 9 февраля департамент промышленности и информации Народного правительства провинции Шэньси распространяет срочное уведомление, адресованное трем крупнейшим государственным электроэнергетическим холдингам, действующим на территории провинции, а также всем угольным компаниям и провинциальному управлению железнодорожного транспорта, содержащее требование в кратчайшие сроки достигнуть долгосрочной договоренности о цене на уголь. На период, пока цена остается несогласованной, департамент настаивает на осуществлении текущих сделок между производителями угля и электроэнергетики по временной цене из расчета 385 юаней за тонну угля, что на 41,5% превышает прежнюю временную цену в 272 юаня, сделки по которой осуществлялись с января по сентябрь 2008 г. Однако, по признанию электроэнергетиков, и эта прежняя временная цена была для большинства станций непосильно высокой, обусловив огромные убытки отрасли, колеблющиеся у различных производителей электроэнергии в Шэньси в пределах от 100 млн до 500 млн юаней. Тем не менее промышленно-информационный департамент правительства провинции, игнорируя

бедственное финансовое положение станций, диктовал в феврале 2009 г. новую временную цену и в указанном уведомлении грозил электроэнергетикам: «В отношении тех электростанций, которые проявляют выжидание, промедление и недостаточную активность в закупке угля, чем вызывают критическое сокращение запасов, руководящие органы провинции, координирующие электроэнергетику, будут исходить из принципа: увеличение поставок угля тем, у кого большие запасы; сокращение поставок тем, у кого малые запасы».

Принципиально важным для понимания развернувшегося противостояния является то обстоятельство, что контрольный пакет (в большинстве случаев около 100%) акций угольных компаний Шэньси принадлежал правительству провинции, которое и выступило в свое время их учредителем. Управление же электроэнергетическими холдингами находилось в руках центрального правительства в Пекине. Такие холдинги, как правило, не имеют советов акционеров, но лишь советы директоров, председатели которых являются одновременно секретарями партийных организаций этих холдингов и занимают высокие должности в аппаратах правительств соответствующих уровней. Также необходимо иметь в виду, что в процессе идущей в Китае уже более двух десятилетий реформы ценообразования цены на уголь были декларированы свободными, то есть их теоретически могут определять сами производители. Что касается цен на электроэнергию, то они всё еще относятся к категории «централизованно регулируемых», то есть, по сути, директивных, определяемых структурами центрального правительства.

Агрессивная линия правительства провинции вызвала соответствующую реакцию у производителей электроэнергии, подконтрольных Пекину. Еще поздней осенью 2008 г. пять энергетических холдингов формируют Союз покупателей угля, призванный занять жесткую позицию в отношении угольщиков. Представитель электроэнергетиков, казалось бы, имел весомые политико-административные и экономические основания, когда резко парировал властям Шэньси: «Мы все предприятия центрального подчинения, мы мощные покупатели! Что для нас важнее — сохранить собственное существование или подчиниться воле местного правительства? Кто, как не мы, сможем обуздать местническую политику?»

Однако, несмотря на такую отповедь в адрес местных властей, подконтрольные Пекину электростанции Шэньси с середины февраля все-таки начинают закупку угля именно по новой временной цене в 385 юаней за тонну. Провинциальное правительство осталось при своих интересах,

убытки станций продолжали множиться, а долгосрочный ценовой договор между угольщиками и энергетиками так и не был заключен.

Одним из крупных государственных акционерных предприятий центрального подчинения, оказавшихся в наиболее бедственном положении, стала электростанция, расположенная в уезде Люлянь, где единственным поставщиком угля был завод по производству отопительных брикетов, так что промышленный уголь приходилось завозить по проложенной через горный хребет железной дороге. Себестоимость электроэнергии в Люляне оказывалась на 40 юаней выше, чем у станций на равнине по другую сторону хребта, и на 80–100 юаней выше, чем у тех, которые располагались в других уездах в непосредственной близости от угольных месторождений. Общая ситуация для Люляня усугублялась еще и тем, что в уезде имелось самое большое в провинции Шэньси число предприятий по добыче железной руды, потреблявших львиную долю производимой электроэнергии. Простой электростанции и перебои в подаче электричества могли иметь поистине катастрофические последствия для горнорудной промышленности провинции в целом, так что энергетикам Люляня приходилось закупать уголь у конкретных производителей и по 600, и по 800 юаней за тонну. Учитывая, что электростанция Люляня входила в госхолдинг, находившийся полностью под контролем Пекина, ее руководство в лице директора и главного снабженца не имело официальных полномочий и каналов для влияния на ценовую политику провинциального угольного монополиста — учрежденного правительством провинции Шэньси в июле 2006 г. 100%-го госхолдинга по транспортировке и продаже угля. Этот холдинг в свою очередь находился в полном административном подчинении департамента промышленности и транспорта при правительстве провинции Шэньси.

Вплоть до самого конца 2007 г. перевозка и продажа угля в провинции, будучи монополизированы правительственным холдингом де-юре, еще не были таковыми де-факто. Руководство электростанции в Люляне отмечало, что в прежние времена сохранялась возможность закупать относительно дешевый уголь у малых шахт, в том числе частных, а также и в других провинциях. Однако к январю 2008 г. правительству провинции удалось поставить транспортировку и реализацию угля под свой контроль. С тех пор функции начальника отдела топливного снабжения электростанции в Люляне свелись к получению информации о ценах на уголь от начальника соответствующего отдела провинциального госхолдинга-монополиста и в доведении этой информации до директора электростанции, а также до вышестоящих структур электроэнергетического

госхолдинга в Сиане и Пекине. Эти структуры, в отличие от низовых дочерних компаний — электростанций, уже имели полномочия вести переговоры о цене на уголь с провинциальным правительственным монополистом от имени центрального правительства. Однако и здесь ситуация начала развиваться по весьма запутанному бюрократическому сценарию. Главные холдинги электроэнергетиков в Пекине поручили вести все переговоры по вопросу о ценах своим дочерним филиалам в провинциях. Более того, пекинское руководство отраслью перед лицом агрессивного ценового наступления провинциальных угольщиков заняло довольно странную позицию, наложив запрет на закупку угля электростанциями у провинциальных монополистов по «чрезмерно высоким ценам» и угрожая нарушителям как финансовыми, так и административными санкциями. Не разъяснив толком, что означают «чрезмерно высокие цены на уголь», Пекин мотивировал запрет тем, что рост производства электроэнергии требует снижения ее себестоимости, а основным потребителем электричества в любом случае являются предприятия провинциального подчинения. Таким образом, главные холдинги электроэнергетики, контролируемые органами центрального правительства, по их собственному признанию, «рассчитывали на добросовестность и соответствующие действия местных властей» по снижению цен на уголь. По сути, Пекин пытался надавить на провинциальные власти, угрожая бойкотом закупок угля у местных шахтеров и последующим обвалом поставок электроэнергии. Произошло, однако, не «соответствующее снижение», а значительное повышение цен. При этом низовые звенья головных холдингов центрального подчинения — электростанции — оказались между Сциллой штрафных санкций своих пекинских учредителей и Харибдой ценового монополизма провинциальных правительств.

В этих условиях электростанция в Люляне, имея своего сотрудника в качестве депутата Собрания народных представителей провинции Шэньси (к слову сказать, единственного представителя низового звена электроэнергетики в провинциальном парламенте!), его устами без обиняков озвучила свои злоключения на открывшейся в начале марта 2009 г. ежегодной сессии СНП Шэньси. Этот демарш, впрочем, также не имел сколько-нибудь значимых реальных последствий.

Однако объяснять установление новой временной цены на уголь в феврале 2009 г. в провинции Шэньси лишь волонтаристскими действиями местных властей и угольно-транспортного холдинга-монополиста было бы большим упрощением. Точнее, этот ценовой волонтаризм имел свою глубокую подоплеку. Дело в том, что в Шэньси, как

и в ряде других угледобывающих провинций Китая, в частности, в соседней Шаньси, электростанции центрального подчинения, потребляющие местный уголь, в установленном порядке должны производить оплату лишь по факту отгрузки. Однако этот «установленный порядок» существует лишь на бумаге. Дело в том, что все без исключения участники описываемых событий в долгах, как в шелках. Убытки большинства угледобывающих госхолдингов провинции, равно как и у электроэнергетиков центрального подчинения, исчисляются сотнями миллионов юаней. Однако простои с отгрузкой и, следовательно, с производством электричества, чреватые глобальными сбоями всей социально-экономической системы. По признанию руководства монополии по доставке и реализации угля в Шэньси, отказ поставлять сырье электростанциям за долги сам по себе не только не решит, но лишь усугубит проблему «плохих долгов», окончательно превратив их в безнадежные. Так что уголь местные компании так или иначе всё равно отгружают, а дочерние предприятия столичных компаний электроэнергию производят. Одновременно и те, и другие прибегают к всевозможным формальным и неформальным комбинациям: первые для того, чтобы снизить цену на уголь, а вторые — чтобы, насколько возможно, взыскать долги за поставки. В ход идут все средства: от скрытого лоббизма и санкций по линии партийной дисциплины до эмоциональных выступлений на сессии Собраний народных представителей. Однако проблема решения не находит. Когда ситуация в провинции Шэньси стала достоянием центральной печати, заместитель совета директоров угольно-транспортного холдинга открыто жаловался: «Каждый раз в ноябре—декабре мой блокнот пухнет от названий предприятий — текущих должников. Эти должники — дочки пекинских компаний — ведут себя, словно господа-бары. Ездишь к каждому из них, от двора ко двору, а возвращаешься с таких переговоров по недоимкам не солоно хлебавши. Здесь какие-то расписки, там — неформальные посылки за ужином в ресторане, а уголь им всё равно изволь поставлять! Это политическая задача!»

К середине лета 2009 г. общий объем задолженности электростанций перед угольщиками Шэньси превысил 1 млрд юаней.

Всё это влечет за собой следующую проблему. Ежегодно в 4-м квартале руководство угольного и транспортного холдинга Шэньси, по собственному признанию, сталкивается с крайним дефицитом средств на уплату налогов провинциальному правительству. А неуплата налогов или уплата их не в полном объеме — не меньший, если не больший политический проступок в сравнении с отказом отгружать уголь безнадежным

должникам. Провинциальное правительство — основной учредитель, инвестор и во многих случаях последний кредитор большинства крупных и средних предприятий местного подчинения. Деньги в бюджете провинциального правительства — основной катализатор темпов экономического роста. В 2008 г. ВВП провинции Шэньси вырос на 15%. Объем угледобычи превысил показатели 2007 г. на 30%. Согласованные с Пекином контрольные цифры на 2009 г., учитывая мировой кризис, оказались несколько меньше — 13%. Однако для того чтобы уложиться в эти показатели, объем угледобычи в провинции в 2009 г. должен быть увеличен как минимум на те же 30% в сравнении с 2008 г.

Кроме того, в январе 2009 г. провинциальное правительство Шэньси поставило перед своим угольно-транспортным холдингом-монополистом задачу не из легких: без учета объемов задолженности предыдущих лет угольщики провинции обязаны завершить 2009 финансовый год без недоимок по сделкам с электроэнергетиками, обеспечивая, таким образом, 100% налоговых выплат в местный бюджет. При этом правительство Шэньси, подобно пекинским властям — учредителям электроэнергетических холдингов, апеллировало к государственной необходимости. В соответствующей бумаге, направленной руководству угольных компаний, говорилось: «Несмотря на раздельное подчинение <электроэнергетиков и угольщиков. — М. К.> центральному и местному комитетам по управлению госимуществом, все являются государственными предприятиями, и перед лицом государственной ответственности угольно-транспортный холдинг пров. Шэньси должен исходить из общего положения вещей».

В действительности, как утверждали многие мои собеседники и в Сиане, и в Пекине, правительство провинции Шэньси, задавшись целью собрать в 2009 г. до 10 млрд юаней налогов, отнюдь не считало принципиальным, будет ли вообще подписан долгосрочный договор по ценам на уголь между электроэнергетиками и шахтерами. В этом смысле пассаж февральского уведомления о «необходимости в кратчайшие сроки заключить долгосрочный договор» выглядит как максимум благим пожеланием. «Действия предприятий определяются рынком. Рано или поздно они сядут и договорятся. Правительство провинции не собирается выступать ничьим любезным ходатаем в вопросе о формировании контрактной цены на уголь», — так прокомментировал официальное отношение к ситуации не пожелавший опубликовать свое имя сотрудник отдела промышленности и транспорта местного правительства. Таким образом, обнародованная этим правительством 9 февраля 2009 г. временная цена на уголь в 385 юаней за тонну была призвана создать необходимый финансовый

задел и обеспечить налоговые поступления в бюджет провинции от угольных предприятий вне зависимости от того, будет или не будет подписан долгосрочный договор между провинциальными производителями и курируемыми из Пекина потребителями. Местное правительство и угольщики провели расчеты и пришли к выводу, что если временная цена на уголь будет ниже 385 юаней за тонну, то при существующих объемах задолженности и уровне финансовой дисциплины угольные компании просто не смогут внести требуемые налоговые сборы в местный бюджет.

Характерно, что попытки центрального правительства как-либо воздействовать на Сиань с целью пересмотра установленной цены в сторону понижения успехом не увенчались, так что электростанциям пекинских холдингов в Шэньси пришлось принять предложенные на местах правила игры. Для хозяйствующих субъектов центрального и местного подчинения установка на выполнение плана по общим темпам экономического роста, оказывается, гораздо важнее расчета издержек.

Что касается самих предприятий низового уровня — электростанций и шахт, — то вопреки прогнозу местного чиновника они так ни о чем и не договорились. Долгосрочное ценовое соглашение повисло в воздухе. Практика такого рода соглашений между предприятиями угольной промышленности и электроэнергетики существовала в Китае в начале 1990-х гг., однако к началу 2000-х от нее почти повсеместно отказались как производители, так и потребители. Объясняя причины кризиса системы долгосрочных соглашений, мои китайские собеседники в институте экономики Пекинского университета и в бюро переводов (одном из аналитических подразделений) ЦК КПК были склонны указывать преимущественно на внешние обстоятельства. По их мнению, эта практика получила распространение на относительно раннем этапе экономических реформ в Китае под влиянием изучения опыта стран с развитыми рыночными отношениями, в частности, США и Великобритании. Сроком действия таких соглашений в Китае, как правило, служил 20-летний цикл жизни электростанции. Однако впоследствии ведущие экономики мира отказались от этой практики, отдав предпочтение биржевому ценообразованию. Замечу, что это утверждение верно лишь отчасти. Дело в том, что отказ от долгосрочных ценовых соглашений в области производства электроэнергии в развитых странах Запада касался лишь тех электростанций, которые использовали природный газ. С угольщиками электроэнергетики продолжали работать на базе долгосрочных ценовых соглашений. Последствия азиатского финансового кризиса 1998 г. обусловили убыточность многих контрактов китайских энергетиков с зарубежными

партнерами, в то время как на внутреннем рынке страны образовался некоторый избыток сырья и мощностей. В этих условиях китайские производители и потребители получили дополнительные стимулы к отказу от принципа долгосрочных ценовых соглашений, причем пошли здесь даже дальше Запада, ликвидировав таковые как по газу, так и по углю. В новом столетии, когда динамичный экономический рост в Китае возобновился и об относительном избытке факторов производства говорить перестали, возвращения к практике долгосрочных ценовых соглашений тем не менее не произошло.

Не умаляя значения внешних воздействий, должен сказать, что мне бросилось в глаза совпадение по времени между развертыванием акционирования госсобственности и демонтажем практики долгосрочных соглашений. И то, и другое как раз приходится на период между 1992 и 2000 г. Дело выглядело так, будто учредители и руководство новых, по преимуществу государственных холдингов и прочих акционерных компаний просто не были заинтересованы в относительно долгосрочных ценовых ориентирах. И это притом, что всеобъемлющее директивное планирование и ценообразование¹ утратило силу лет двадцать тому назад, а биржевое ценообразование на сырье и другие факторы производства в Китае вплоть до сегодняшнего дня находится, по сути, в зачаточном состоянии. Отвечая на вопрос о том, верно ли мое наблюдение, и если да, то в чем причина такого положения вещей, мой собеседник, научный сотрудник института управления при Пекинском университете Хань Сяопин в июне 2009 г. высказался так: «Тут есть рациональное зерно. Наша страна, Китай, исходит из политического приоритета больших предприятий. Очень многие говорят только о реформе цен и молчат о реформе механизма <управления государственными предприятиями. — М. К.>. Потому что реформа механизма слижет у многих сметану, а реформа цен лишь добавляет многим этой сметаны». Из этих слов напрашивается вывод о том, что рыночная реформа цен в Китае не только не повышает, но наоборот — снижает степень прозрачности механизма ценообразования. Кроме того, подконтрольные центральным и местным партийно-государственным органам предприятия — как производители, так и потребители — не заинтересованы в повышении прозрачности ценообразования, да и вообще не торопятся оформить договорные отношения, так как вполне понимают: садиться и договариваться должны

---

¹ Последнее, правда, вообще вряд ли когда существовало в КНР. Впрочем, об этом речь впереди.

не они, а партийно-государственные боссы центрального и местного правительств. В этой связи принципиально важным обстоятельством является то, что новую временную цену на уголь объявило именно правительство провинции, а не руководство угольных холдингов и тем более не руководство шахт. И это происходит, несмотря на то, что в условиях свободного ценообразования на уголь определять цену, по крайней мере теоретически, должны непосредственные производители. Договоренность же между центральными и местными партийно-государственными боссами определяется в решающей степени не расчетом издержек, а задачами поддержания высоких темпов экономического роста и консолидации собственных доходов, от которых в конечном итоге и зависит этот разогреваемый госинвестициями экономический рост.

Вернемся, однако, к описанной «битве угля с электричеством» и обобщим ее основные параметры.

Во-первых, все основные герои драмы — и провинциальные угольщики-монополисты, и расположенные в провинции электростанции центрального подчинения — являются представителями важнейших как для Шэньси, так и для страны в целом отраслей промышленности. Как сказали бы ныне у нас, представителями «системообразующих» отраслей.

Во-вторых, и те, и другие являются государственными предприятиями, принявшими форму акционерных компаний, входящих в состав холдингов, учредителями которых выступают, соответственно, местные и центральные партийно-правительственные структуры. С юридической точки зрения право на учредительство последние получили от местных и центральных комитетов по управлению государственным имуществом. Причем как в случае с угольщиками, так и с электроэнергетиками, доля государства в холдингах и дочерних АО стремится к 100 %.

В-третьих, и первые, и вторые, несмотря на впечатляющие темпы роста объемов производства, являются хронически убыточными.

В-четвертых, не будучи включены в директивно-распределительную вертикаль (которой уж много лет как не существует), не прибегая к услугам товарно-сырьевой биржи, страдая от тяжкого долгового бремени, наши герои, судя по всему, не особо заинтересованы в прозрачности ценообразования и относительно долгосрочных ценовых ориентирах.

В-пятых, «раунд» произошел между «боксерами» разных весовых категорий в том смысле, что цены на уголь были уже освобождены, а цены на электроэнергию — еще регулируемы.

В-шестых, спусковым крючком резкого обострения в отношениях между угольщиками и электроэнергетиками в провинции Шэньси

в начале 2009 г. стало одностороннее решение провинциального правительства о введении новой временной цены на уголь, превышающей предыдущую временную цену почти в два раза. Таким образом, местные институты партийно-государственной власти имеют права и возможности определять параметры уже освобожденных цен. Конфликт выплеснулся в виде взаимных обвинений и острых дискуссий на заседаниях и в особенности в кулуарах очередной сессии местного СНП, благодаря чему и стал доступным для прессы и непосвященных. Вместе с тем, как выясняется, такая инициатива властей провинции в области ценообразования диктовалась, в сущности, политическими соображениями, вытекающими из логики действия партийно-государственной и территориально-административной вертикали. Руководящие органы в Сиане были озабочены консолидацией собственной налоговой базы, увеличением поступлений и созданием финансового задела, объемы которого соотносились бы с задачей удержания высоких темпов роста ВВП провинции, контрольные цифры которого были утверждены в ходе сложного и непрозрачного торга с центральным правительством. Выполнение этих контрольных цифр стало и обязательством, и делом политического престижа для провинциального руководства, ключом к возможному получению от Пекина в будущем различного рода административных, финансовых и иных бонусов. Не удивительно, что Пекин, осознающий неразрешимость многолетних долговых тяжб между компаниями и заинтересованный в стимулировании темпов увеличения ВВП (политическая установка: Китай — локомотив роста в условиях глобального спада!), встал, по существу, на сторону провинциального правительства.

Кроме того, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что местным властям Шэньси удалось неким образом монополизировать не только добычу угля в провинции, но и его доставку потребителям на своей территории. Абсолютное большинство поставок угля в Шэньси идет по железной дороге. Между тем железнодорожный транспорт в Китае по крайней мере официально является централизованно регулируемой естественной монополией. Очевидно, те участки вагонных путей, которые идут от шахт к электростанциям, оказались в силу тех или иных причин более послушны стрелочникам из Сианя, а не из Пекина.

В-седьмых, цифра в 385 юаней за тонну угля является лишь нижней границей цены, за которой фискальные и инвестиционные планы правительства Шэньси обречены на провал. Несомненно, эта граница также являлась предметом торга между местным правительством и представителями угольщиков. Потолок цены, уже освобожденной в ходе реформы

ценообразования, не был и не мог быть определен. Мы видели, что сделки между конкретными производителями и потребителями угля могут заключаться по ценам, превышающим заявленный временный уровень в разы. Здесь в свои права вступают издержки, спрос и предложение, а проще говоря — рынок.

И, наконец, следует помнить, что такого рода «весенние обострения» случаются в Китае ежегодно.

Думается, что описанная угольно-электрическая коллизия в своих основных параметрах является «рыночным социализмом с китайской спецификой» в миниатюре. Здесь и впечатляющие темпы роста, и партийно-административная вертикаль с характерным стилем регулирования, и высокая степень финансово-экономической автономии местных правительств, и идущая, но всё никак не завершающаяся реформа ценообразования, и акционерная собственность, и частное предпринимательство (ведь есть в Шэньси и частные шахты, поставляющие уголь электростанциям), и всеобщая взаимная задолженность астрономических масштабов, и, так сказать, «рыночные отношения».

Но что это за рынок? Каковы его место и функции в данном переплетении подконтрольных компартии административных иерархий, холдинговых вертикалей и смешанной, а точнее не очень прозрачной, структуры собственности? Каковы внутренняя логика и возможные тенденции развития такой модели политико-экономических отношений? Попытаемся разобраться.

ПАРТИЙНОЕ ГОСУДАРСТВО ЛЕНИНСКОГО ТИПА И ПРОБЛЕМА ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Даже частичное знакомство с океаном мировой научной и публицистической литературы по истории и современности партийного государства в КНР создает устойчивое ощущение дежавю у тех читателей, кому известна историография советологии. То есть история становления и эволюции концептуальных подходов западной науки (прежде всего, в США, ФРГ и Франции) к изучению систем ленинского типа в бывшем СССР и соцстранах Восточной Европы. С одной стороны, это естественно, так как вплоть до второй половины 80-х гг. XX в. основные направления в изучении КНР на Западе так или иначе питались методологическими наработками коллег-советологов. Одновременно статьи таких крупных китаеведов, историков, политологов, культурологов и экономистов, как Л. Пай, Р. Макфаркар, Д. Пауэлл печатались в ведущем советологическом журнале “Problems of Communism”, который также регулярно публиковал обзоры и рецензии научной литературы по проблемам развития КНР.

С другой стороны, однако, необходимо иметь в виду, что со второй половины 1980-х гг., а тем более в 1990-е гг., после громогласно объявленного на страницах всё того же “Problems of Communism” конца советологии, методологическая и аналитическая связь между советологами и исследователями КНР на Западе оборвалась. Крах СССР и советского блока на востоке Европы и одновременно бурный экономический рост в КНР, обусловивший то явление, которое в мировой литературе называют ныне «подъемом Китая», казалось бы, должны были окончательно развести теории и оценки бывшей советологии и нынешнего КНРоведения. Очень многие среди современных специалистов по социально-политическому и экономическому развитию КНР (как на Западе, так и в России)

и вправду либо недостаточно хорошо знакомы с научным наследием советологии, либо не приемлют его по мировоззренческим и идеологическим причинам и в силу этого склонны относиться к нему весьма критически [Бородич, 2008; Титаренко, 2009; Lieberthal, 2003; Nolan, 1992, 2004; Pei, 1994; Sullivan, 1995; White, 1993]. Однако даже после такого разрыва содержание, характер и эволюция научного и политического дискурса в современном КНРоведении удивительным образом воспроизводят таковые в канувшей в Лету советологии. С нашей точки зрения, это обстоятельство указывает не только на типологическое сходство объектов изучения советологии и КНРоведения, но и на сходные тенденции внутренней эволюции этих объектов.

Учитывая определенную историческую ретроспективу, можно с уверенностью утверждать, что ключевым объектом изучения и советологов, и специалистов по Китайской Народной Республике были и остаются, так или иначе, место, функции и внутренняя эволюция партийного государства ленинского типа. Партийное государство — важнейшая институциональная и практическая скрепа систем ленинского типа. В этом отношении в мировой науке достигнут консенсус. Однако характер и эволюция такого государства являлись предметом острых дискуссий в бывшей советологии и остаются таковым в нынешнем КНРоведении. В контексте нашего повествования было бы, думается, уместно провести краткий обзор и сопоставление основных концепций партийного государства ленинского типа и его внутренней эволюции в советологии и в китаеведении. Это позволит наглядно продемонстрировать семантическую близость обоих дискурсов и, с учетом исторического и научно-методологического опыта советологии, возможно, поспособствует в некоторой степени отделению зерен от плевел в исследовательских подходах современных специалистов по КНР. Попытки такого сравнительного обзора не предпринимались ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

Советология и КНРоведение о партийном государстве ленинского типа и его внутренней эволюции

В 1992 г. известный американский историк Мартин Малиа в статье «Из-под обломков. Что дальше?», своего рода эпитафии на советологию, опубликованной в последнем номере журнала “Problems of Communism”, провозгласившем конец советологии, писал: «Советология развивалась как попытка применения универсальных методологий общественных

наук к [изучению] коммунистического мира. Она рассматривалась как часть “специальных исследований”... регионов мира. Сначала это произошло в университетах США, а впоследствии было скопировано в Западной Европе. В настоящее время ее результаты экспортируются в посткоммунистические страны. Мы [профессиональные советологи] обязаны информировать ученых в этих странах о том, что же они от нас получают» [Malia, 1992, p. 94]. Это было, так сказать, подведение итогов. А начало следует, пожалуй, отнести к ноябрю 1939 г., когда другой американский историк Карлтон Хайес прочитал в Философском обществе США лекцию «Новизна тоталитаризма в истории западной цивилизации», в которой впервые обобщил ключевые, с его точки зрения, особенности тоталитарной модели социально-политического устройства:

1. Монополизация всех властей в обществе;
2. Мобилизация массовой поддержки;
3. Использование современных технологий в области образования и пропаганды;
4. Неконтролируемое использование силовых методов [Tucker, 1961, p. 284].

Следует отметить то любопытное и не лишнее исторической иронии обстоятельство, что сам термин «тоталитаризм» был введен в политический лексикон вождем итальянского фашизма Б. Муссолини в 1925 г. Дуче употреблял его, разумеется, в сугубо позитивном ключе для характеристики сущности и целей своего движения. Несколько позже этот термин начал употребляться оппонентами фашизма — вполне понятно, со знаком «минус» — в политической публицистике, философии и, наконец, в политологии. Забегая несколько вперед, можно сказать, что непростая судьба понятия «тоталитаризм» в общественных науках XX в. в значительной степени связана с тем, что оно было заимствовано учеными, аналитиками и публицистами разных направлений из жестко идеологизированного и антинаучного политического словаря итальянских крайних правых.

Классик изучения социально-политической антропологии тоталитарного правления Ханна Арендт уже после Второй мировой войны указала на то, что эта монополизация и мобилизация принимают специфическую институциональную форму партийного или партоткратического государства [Arendt, 1951]. «Если в рамках традиционной автократии или авторитарного режима основным инструментом политического господства остается государство, выступающее ядром политической системы, то тоталитаризм в этом отношении является своего рода исключением.

Государство утрачивает значительную долю собственной значимости, поскольку используется партией только в качестве внешнего фасада, прежде всего для осуществления представительства во внешнем, не тоталитарном мире. За этим фасадом действуют реальные величины — партия и репрессивные органы. Причем роль секретной полиции выходит далеко за рамки поддержания status quo в традиционных деспотиях. Она становится важным, если не решающим инструментом в революционном процессе создания “нового человека” и строительства нового социального порядка. А значимость всепроникающих партийных суперструктур, их функциональная нагрузка и реальные властные полномочия оставляют позади себя государственные институты. Применительно к тоталитарным системам поэтому оказывается вполне правомерным говорить о доминировании партии в связке “партия — государство” и даже о поглощении партией государственных институтов» [Работяжев, Соловьев, 2005, с. 66].

Такая партия с точки зрения своей внутренней организационной структуры строилась согласно сформулированному В.И. Лениным принципу демократического централизма и по известному из устава КПСС территориально-производственному признаку, означавшему наличие и руководящее положение партийных организаций как на производстве, так и в территориально-административных единицах. Именно поэтому впоследствии в мировой литературе за подобными политико-административными конструкциями закрепилось наименование «системы ленинского типа».

К. Фридрих и З. Бжезинский, авторы еще одного претендующего на фундаментальность исследования тоталитарной системы в 50-е гг. XX в., сформулировали следующие базовые черты, присущие таким государствам:

1. Развернутая идеология, охватывающая все жизненно важные стороны человеческого бытия, сфокусированная на некоем совершенном состоянии общества.

2. Возглавляемая одним человеком единственная массовая партия, чье ядро безраздельно предано идеологии, которая либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо слита с ней.

3. Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию и осуществляющего контроль над ней самой в интересах ее лидеров и использующего при этом достижения современной науки, в частности, психологии.

4. Технологически обусловленный и почти полный контроль над средствами массовой информации и коммуникации.

5. Аналогичный контроль над эффективными средствами вооруженной борьбы.

6. Централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей, распространяемый на большинство других общественных организаций и групп [Friedrich, Brzezinski, 1962, p. 15; Работяжев, Соловьев, 2005, с. 72].

Впоследствии определением, описанием и уточнением базовых черт тоталитарной системы занимался целый ряд исследователей [Арон, 1993; Работяжев, Соловьев, 2005; Linz, 1975], однако точкой отсчета для них практически неизменно служили тезисы К. Фридриха и З. Бжезинского. Ощутимый вклад в научный и ценностно-мировоззренческий вклад в дискуссию о тоталитаризме внесли классические работы М. Джиласа [Джилас, 1992] и М. Восленского [Восленский, 2005].

Труды Л. фон Мизеса, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, Я. Корнаи, М. Чанади и ряда других авторов, написанные в разные годы XX столетия, значительно конкретизировали и обосновали, в частности, нерыночный характер монопольного контроля партийного государства в сфере экономики.

Что касается китаеведения в 50–60-е гг. XX в., то подходы сторонников ранней тоталитарной концепции в советологии нашли более или менее целостное отражение в монографиях и статьях Р. Волкера [Walker, 1955], Ю. Глюкштайна [Gluckstein, 1957], Р. Макфаркара [MacFarquhar, 1958], М. Майснера [Maisner, 1967], Д. Пауэлла [Powell, 1968], В. Ростой [Rostow, 1954], П. Тана [Tang, 1957], Дж. Таунсенда [Townsend, 1970]. Несомненное влияние советологической концепции тоталитаризма в те годы испытали такие известные синологи, как Ф. Шурманн [Schurmann, 1971], Ф. Тайвес [Teiwes, 1993] и Л. Пай [Pye, 1981, 1985, 1992], впоследствии, однако, не ассоциировавшие себя с этой теорией в полной мере.

Следует отметить, что в 50-е гг. XX в., в разгар холодной войны, когда тоталитарная концепция стала методологически господствующей в молодой советологии, ее понятийный аппарат широко использовался во внешнеполитической риторике США. В частности, в марте 1954 г. госсекретарь США Дж. Фостер Даллес говорил в столице Венесуэлы: «Мировой коммунизм является... политической организацией, управляемой лидерами Коммунистической партии Советского Союза. Тоталитаризм представляет собой не теорию, не доктрину, но агрессивную и решительную политическую силу, поддерживаемую огромными ресурсами и находящуюся на службе у самой безжалостной империи современности». Этот отрывок его выступления был тут же опубликован на первых страницах

весеннего выпуска журнала “Problems of Communism”, позиционировавшего себя как сугубо научное издание. Мотивируя публикацию столь резкого идейно-политического заявления, редакция журнала поясняла: «Это [выступление] больше, чем просто заявление по вопросам американской внешней политики. Это фактически исследование политики мирового коммунизма» [Problems of Communism, 1954, № 3, p. 1–2]. Такая отчасти вольная, отчасти невольная идейно-политическая ангажированность концепции тоталитаризма вкупе с другими ее научно-методологическими неточностями вскоре сослужила ей плохую службу, восстановив против тоталитарной школы целый фронт леволиберальных и левых критиков в западном научном и политическом сообществе.

Кризис тоталитарной концепции в ранней советологии в полной мере стал ощутим уже к началу 1960-х гг. В научно-аналитическом плане его квинтэссенция заключалась в том, что «предполагаемое всевластие тоталитарного правления заставляло воспринимать все политические решения [в этой системе] как прямой результат решений на самом верху, не принимая во внимание их исполнение конкретными и конкурирующими бюрократическими аппаратами. Также вне поля зрения оставалась сфера взаимодействия между политикой и обществом. Такой подход становился все более проблематичным перед лицом “десталинизации” и открывшейся новой информации о коммунистических системах. При таких обстоятельствах критическая переоценка классической тоталитарной теории не являлась “политически мотивированной”, но отразила рост эмпирических, теоретических и методологических знаний» [Mueller, 1997, p. 14]. Концепция тоталитаризма в духе Х. Арендт и К. Фридриха с З. Бжезинским (при всей огромной мировоззренческой разнице между этими исследователями) представлялась теперь едва ли не метафизическим описательством, которое следовало опровергнуть с помощью методов социологического анализа, применив их к изучению коммунистических обществ. Часть либеральных и большинство левых критиков теории тоталитаризма на Западе делали и ныне продолжают делать акцент на том, что отказ от господствовавших в 1950-е гг. консервативных подходов был вызван исключительно научными причинами. Современный политолог Д. Херспин, в частности, пишет: «Необходимо помнить, что основная причина отказа экспертов в США от тоталитарной модели или от взглядов, предлагавшихся русскими эмигрантами [первой и второй волны], состояла в том, что и то, и другое плохо справлялось с задачей объяснения перемен в советской политической системе после смерти Сталина» [Hersping, 1992, p. 115].

Оппоненты социологической школы, в частности, известный американский политолог А. Мотыль, указывали, что после отказа от тоталитарной концепции советология 60–80-х гг. XX в. «погрязла в бихевиоризме, то есть стала, по сути, лишь механически реагировать на всякое новое вбрасывание информации о советских системах. Всем известная “кремленология” — блестящий тому пример!» [Motyl, 1993, p. 78].

Причины этого явления, по мнению исследователя, сводились к тому, что, во-первых, на рубеже 1950–1960-х гг. резко возрос поток информации о положении в СССР и других социалистических странах. В этих условиях довольно примитивная фактология очень быстро заменила собой научно-методологический подход. Во-вторых, задачи для исследований в области советологии ведущим аналитическим центрам и университетам ставили государственные органы, заинтересованные не в теоретических разработках, а в прикладных «непредвзятых» рекомендациях. В-третьих, свой вклад внесли средства массовой информации «с их поиском жареных фактов, увлечением всем необычным и экзотическим, стремлением избежать историзма, систематизации, сравнительного анализа» [Motyl, 1993, p. 80–81]. Забегая немного вперед, отметим, что это описание в огромной мере совпадает с той ситуацией, которая сложилась в современном Китае в плане оценки процессов реформ в КНР. Налицо резкий рост потока информации, не проясняющей, как говорилось выше, общей картины, а также стремление к «непредвзятым подходам» и одновременно журналистская «жажда экзотики».

Спустя почти два десятилетия, в 1983 г., на базе накопленного исторического и историографического опыта Рональд Амман предложил разделить теории советологии на две группы:

Теории группы «А» — теории социального контроля, исходящие из примата государства (в системах ленинского типа). Ключевыми здесь выступают концепции тоталитаризма и неотрадиционализма (воспроизводства системами ленинского типа ряда традиционных форм политической интеграции общества). Данные теории представляли системы партийных государств ленинского типа построенными сверху вниз — по воле элит партии-государства путем насилия.

Теории группы «Б» — теории социального контракта, социоэкономического метода. Ключевыми здесь выступают теории экономического роста, модернизации, конвергенции. Данные теории представляли системы партийных государств ленинского типа как продукт консенсуса между партийно-государственными элитами и значительными группами в обществе; консенсуса, базирующегося на социальной пассивности,

маргинальном характере протестов, авторитаризме и конформизме общественно-политической культуры, а также на социально-экономических достижениях и общественно-политических «лифтах», созданных за годы правления коммунистических партий [Amman, 1986, p. 477–478].

Именно теории группы «Б» получили явное преимущество в советологии, начиная с рубежа 1950–1960-х гг. и вплоть до краха восточноевропейского социализма, распада СССР и конца советологии в 1989–1992 гг.

Сторонники теорий экономического роста и модернизации делали акцент на высоких темпах роста ВВП экономик социалистических стран и социально-экономических последствиях такого роста в плане формирования в этих странах современных индустриальных обществ. Сторонники теории конвергенции, по сути дела, доводили аргументы адептов экономического роста и модернизации до логического конца и утверждали, что «сложные, современные индустриальные общества должны иметь демократические политические системы. Автократия и авторитаризм не в состоянии справиться с управлением современным обществом. Общества с аналогичными или сходными экономическими и социальными системами должны иметь сходные политические системы» [Huntington, Moore (ed.), 1970, p. 4; Gailbraith, 1967; Kerr, 1962; Marcuse, 1958; Parsons, 1960; Sorokin, 1944]. Отсюда следовал вывод о возможности и вероятности в некоторой исторической перспективе конвергенции (то есть превращения в типологически однородные) социально-экономических и политических систем СССР и США.

Некоторые западные наблюдатели усмотрели в реформе хозяйственного механизма в СССР 1960-х гг. даже движение в сторону госкапитализма [Cliff, 1963; Goldman, 1968].

То обстоятельство, что в процессе индустриализации в СССР действительно были достигнуты многие показатели, которые обычно применяют как универсальные характеристики степени модернизации (высокие темпы экономического роста и инвестиционных накоплений, урбанизация и социальная мобильность, всеобщая грамотность и элементы социального государства), отодвигало на второй план, если не дальше, проблематику партийного государства ленинского типа. В отношении последнего многие сторонники теорий группы «Б» пришли к весьма своеобразным умозаключениям. Основоположник теории стадий экономического роста В. Ростоу, к примеру, писал: «Коммунизм является лишь бесчеловечной формой политической организации, способной инициировать и поддерживать процесс экономического роста в таких обществах, где стадия предпосылка к взлету [экономического роста — по теории Ростоу] не создала

значительного коммерческого среднего класса... Это своего рода болезнь, которая может заразить переходные общества...» [Rostow, 1967, p. 164].

Исследователь политической социологии Д. Каутски был убежден, что «коммунистические системы не имеют никаких особых отличительных характеристик, кроме политико-государственных символов [созданных ими самими]». Характерные черты, которые им приписывала теория тоталитаризма, по мнению автора, можно было найти во многих других системах. Ключевое различие, считал Каутски, пролегает между развивающимися («мобилизационными») режимами, часть из которых исповедует коммунистическую идеологию, и режимами развитыми («адаптационными»), в число которых автор включал как индустриальные социалистические страны, так и западные либеральные системы. Базовый критерий развитости — степень индустриальной модернизации [Kautsky, 1973, p. 34–63]. Ему вторил либеральный социолог А. Майер: «Нет такой вещи, как советская политическая система. Есть последовательная замена систем, отличных друг от друга по целям, структурам и функциям» [Meuer, 1965, p. 8–9].

Американский историк Р. Такер, в свою очередь, прямо писал: «...концепция тоталитаризма не способствовала прогрессу в сравнительном изучении тех форм автократии, которые появились в текущем столетии. Иными словами, тоталитарная диктатура не является каким-либо новым политическим явлением. Новое в XX веке — это революционные режимы, основанные на массовых движениях под однопартийной опекой» [Tucker, 1963, p. 7–8]. Далее автор утверждал, что такие общественные системы, как Россия при Ленине, Китайская Республика при Чан Кайши, КНР при Мао Цзэдуэ, Турция при Кемале Ататюрке и Египет при Насере есть, в сущности, части одного общественно-политического континуума. Впрочем, большую проблему для Такера, добросовестного исследователя, представляли, говоря его собственными словами, как ленинская «беспощадная диктатура одной партии», так и «метаморфоза ленинизма в сталинизм как эволюция массового революционного режима». «Режим большевистской партии в России [при Ленине] был настолько авторитарен, что он был заменен автократией Сталина без осознания внешним миром того, что произошло нечто значительное» [Tucker, 1963, p. 41]. В сталинском режиме историк уже склонен был видеть «элементы настоящего тоталитаризма», однако всё же не нашел оснований поддерживать тогда эту «не способствующую прогрессу» теорию.

Обобщая социально-политические перемены в системах ленинского типа после смерти Сталина, американский политолог А. Леви отмечал:

«Имеет место уход от массового террора, восстанавливается до некоторой степени личная безопасность и уважение к закону. Инвестиции перераспределяются в пользу производства предметов потребления, что влечет некоторый рост уровня благосостояния. Имеет место постепенное улучшение в отношениях между политическими элитами и интеллигенцией. В высшем эшелоне партийного руководства начались более свободные дискуссии, что привело к формированию олигархической формы принятия решений» [Levi, 1969, p. 138–139]. Другой исследователь, Р. Левенталь приходил к концептуальному заключению, что «...компартия не может больше претендовать на использование государственной власти для преобразования общества в соответствии со своими утопическими целями. Она понимает, что должна реагировать на требования общества. Поскольку она уже более не в состоянии продолжать свое революционное наступление, но и не готова ограничить себя до пределов представительства отдельных социальных сил, постольку компартия не является ни тоталитарной, ни демократической. Превратившись, по своей сути, в авторитарную, она занимает обороняющиеся позиции по отношению к силам автономного общественного развития. Компартия подобна опекуну, который цепляется за свою роль в то время, когда ее опекаемый уже заметно повзрослел» [Loewenthal, 1971, p. 114–115].

Попыткой до некоторой степени совместить позиции сторонников теорий «А» и «Б» стало выдвижение Г. Скиллингом концепции борьбы групп интересов в советском партийно-государственном аппарате [Skilling, 1966, p. 435–451; 1970, p. 120–150]. С точки зрения политолога, такие «группы не только существуют, но и выдвигают ряд политических идей, с которыми вынуждена считаться и которые учитывает при формировании политического курса советская правящая элита» [Работяжев, Соловьев, 2005, с. 107]. Дж. Хьюг, опираясь на подходы как Скиллинга, так и его оппонентов [Odom, 1976, p. 542–567; Schwartz, Kech, 1968, p. 840–851; Griffiths, 1971, p. 300–324] разработал теорию «институционального плюрализма» в системах ленинского типа, полагая, что группы интересов имеют тенденцию к консолидации вокруг реально существующих в советских системах общественно-политических институтов [Hough, 1979, p. 37–60].

Подобные подходы создали почву для описания партийно-государственных режимов советского типа в категориях корпоративизма [Schmitter, 1974, p. 100; Bunce, 1983, p. 13–15; Bunce, Echols, 1980] и «классической бюрократической политики» [Kassof, Hough, 1977; Meyer, 1965, p. 468]. А. Майер, к примеру, уподобил весь СССР «огромной бюрократии,

сравнимой по своей структуре и функциям с колоссальными корпорациями, армиями или правительственными агентствами» [Mayer, 1965, p. 480].

С середины 1970-х гг. сторонники как теорий группы «А», так и группы «Б» испытывали значительное влияние концепции бюрократического авторитаризма с ее повышенным вниманием к роли технократических элит и силовых структур [O'Donnell, 1973].

В ход шли даже экзотические сравнения КПСС и других компартий в соцстранах с «партиями альпинистов, связанных между собой одной веревкой. Такого рода связи... смягчают жесткость правил и помогают в разрешении конфликта интересов...» [Josza, 1983, p. 169]. В рамках этих концепций для объяснения внутренней социально-политической и хозяйственной механики СССР и других соцстран широко применялись теории коммуникативной зависимости [Hoffmann, 1969; Mickiewicz, 1985] и отношений по принципу «патрон — клиент» [Pye, 1985, p. 27].

Концептуально-методологическая неразбериха в типологии советских систем и в оценках перспектив их развития нарастала и к началу 70-х гг. XX столетия кое в чем приобрела черты научного гротеска. Так, тот же Скиллинг, например, писал о четырех типах коммунистических режимов:

1. Квазитоталитаризм, характеризующийся тотальной политико-экономической властью и жестким подавлением или манипулированием оппозицией. СССР при Сталине, КНР в период культурной революции, Польша, Венгрия, ЧССР, Румыния в 1948–1954 гг.

2. Консультативный авторитаризм. Позиции компартии в политической системе и в обществе остаются неизменными, однако происходит ослабление террора, рост институционального плюрализма и фракционности в партийном руководстве, а также технократизации политических элит. Такое состояние имеет место в СССР в период Хрущева и раннего Брежнева, а также в европейских соцстранах, кроме Румынии, после смерти Сталина.

3. Квазиплюралистический авторитаризм. В этом состоянии происходит усиление конфликтов между группами интересов и рост их влияния на принятие политических решений. Лидирующая роль партии, однако, по-прежнему не меняется. Это характерно для Венгрии и Польши в середине 50-х гг., для СССР в период активной «оттепели» при Хрущеве, а также для ЧССР и вновь для Польши в 1960-е гг.

4. Демократизирующий и плюральный авторитаризм. Таким образом, по мысли автора, следует описывать процессы в ЧССР с января по август 1968 г., в Венгрии в 1956 г., в СФРЮ после 1966 г. [Skilling, 1970, p. 123–126].

Знакомство с этой классификацией невольно наводит на мысль о справедливости высказанных впоследствии А. Мотылем критических замечаний относительно «методологической несостоятельности» и «бихевиоризма советологии» тех лет, оказавшейся не в состоянии научно переварить поток информации о состоянии и развитии советских систем.

Что касается китаеведения, то во второй половине 1950-х гг. на страницах журнала “Problems of Communism” вспыхнула довольно острая концептуальная полемика между двумя британскими китаеоведами Ю. Глюкштайном и Р. Макфаркармом. Первый сначала в своей монографии, а затем в статье высказался в том смысле, что «жестокость коммунистического режима в Китае» обоснована экономической необходимостью модернизации «еще более чем в России после 1917 года». Маоистский тоталитаризм вызван к жизни хозяйственными и социальными причинами, а не коммунистической доктриной [Gluckstein, 1957, p. 253]. Макфаркарм возражал, отмечая, что в 20-е и 30-е гг. КПК контролировала самые отсталые районы Китая и не осуществляла никакой индустриализации. Тем не менее ключевые принципы ее власти и проводимой ею массовой общественной мобилизации были тоталитарными. Таким образом, делал вывод Макфаркарм, «тоталитарная сущность режима отнюдь не связана с задачами индустриализации» [MacFarquhar, 1958, p. 4].

В целом отход от тоталитарной концепции в начале 1960-х гг. и одновременно сомнительная применимость теорий модернизации и тем более конвергенции для объяснения и характеристики событий периода маоистской культурной революции привели в западном китаеведении к не менее хаотическому и реактивному, чем в советологии, научному поиску. Используемые в те годы и отчасти впоследствии основные модели анализа и типологии политической системы КНР можно, с нашей точки зрения, описать следующим образом.

1. «Круглый стол в духе Яньани» — единство идейно-политических ценностей и позиций лидеров КНР, относительная стабильность в отношениях между ними, своего рода союз друзей и единомышленников без серьезных внутренних конфликтов. Такая модель была, с точки зрения ряда западных исследователей, характерна для КПК в период прихода к власти в Китае [Compton, 1952].

2. Политическую систему КНР вплоть до конца 50-х гг. XX в., по мнению отошедшего от теории тоталитаризма Ф. Шурманна, следовало описывать в категориях структурно-функциональной теории в духе Т. Парсонса. Ф. Шурманн писал о почти совершенном единстве идеологии